E14 — 232

К-2677
2/36
14—232

Е. Ѳ. Будде.

Орловская диалектологическая

КЪ КАКОМУ ИЗЪ РУССКИХЪ НАРѢЧІЙ ПРИНАДЛЕЖИТЪ ГОВОРЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ЖИТЕЛЕЙ БРЯНСКАГО УѢЗДА ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНІИ?

(О слѣдахъ сѣверной колонизаціи въ Орловской губерніи).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1906.

Н

1952

Этнографическая Комиссия ИИМ. АН. СССР.

К-2077

Е. Ѳ. Будде.

КЪ КАКОМУ ИЗЪ РУССКИХЪ НАРѢЧІЙ ПРИНАДЛЕЖИТЪ ГОВОРЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ЖИТЕЛЕЙ ВРЯНСКАГО УѢЗДА ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНІИ?

(О слѣдахъ сѣверной колонизаціи въ Орловской губерніи).

423

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1906.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1906 года. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

Государ. публичная
Историческая
Библиотека РСФСР
№ 26102 1966

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. X (1905 г.), кн. 4, стран. 281—293.

Къ какому изъ русскихъ нарѣчій принадлежитъ говоръ современныхъ жителей Брянскаго уѣзда Орловской губерніи?

(О слѣдахъ сѣверской колонизаціи въ Орловской губерніи)[1].

10-го октября 1902 года я отослалъ во II-ое отдѣленіе Академіи Наукъ для напечатанія въ одномъ изъ ея изданій свое изслѣдованіе подъ заглавіемъ: «О говорахъ Тульской и Орловской губерній», представляющее собой отчетъ II-му Отдѣленію Академіи Наукъ. Печатаніе этого отчета въ Академіи затянулось очень долго, главнымъ образомъ, потому, что типографію на этотъ разъ очень затруднялъ наборъ фонетической транскрипціи народнаго говора по моимъ рукописямъ: приходилось нерѣдко держать по 4 и по 5 корректуръ одного и того же листа и пересылать все это въ Петербургъ изъ Казани. Отдѣльные оттиски изъ «Сборника II-го отдѣленія» моего труда вышли только въ 1904 году въ февралѣ мѣсяцѣ. Какъ извѣстно читателямъ,—конечно, спеціалистамъ-лингвистамъ,—моихъ трудовъ, я въ своемъ «Отчетѣ» представилъ на судъ спеціалистовъ *под-*

---

1) Эта статья въ сокращенномъ видѣ и подъ заглавіемъ, приведеннымъ въ скобкахъ, предназначалась для Владимирскаго областного съѣзда, куда я намѣренъ былъ ѣхать въ іюнѣ нынѣшняго года делегатомъ отъ факультета, но, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, не поѣхалъ.

линные матеріалы по народнымъ говорамъ, записанные фонетически по возможности точно, насколько я могъ, и, напримѣръ, говоръ различныхъ волостей (Полпинской, Акулицкой, Вороновской и Салынской) Брянскаго уѣзда изображенъ мною на стр. 79—90 моего труда: здѣсь читатель найдетъ *голые факты*.

Выводъ же, къ которому я пришелъ изъ изученія на мѣстѣ говора Брянскаго уѣзда, помѣщенъ въ моемъ трудѣ на стр. 107—109. Отсюда читатель узнаетъ, что я держусь того мнѣнія, что говоръ Брянскаго уѣзда, какъ и говоры извѣстныхъ мнѣ другихъ уѣздовъ Орловской губерніи (см. «Отчетъ»), относится къ типу *южновеликорусскихъ* говоровъ, испытавшихъ на себѣ вліяніе еще въ давнее время потомковъ *съверскаго* нарѣчія, причемъ сѣверяне не могутъ считаться ни въ какомъ случаѣ предками нынѣшнихъ бѣлоруссовъ. Этого мнѣнія я держусь и теперь и не могу отступить отъ него потому, что у меня—*факты* въ рукахъ (см. стр. 79—90 моего «Отчета») *въ видѣ подлинныхъ матеріаловъ*. Я считаю это свое мнѣніе пока единственно вѣрнымъ, такъ какъ *никто* не привелъ въ печати никакихъ *фактическихъ* данныхъ изъ говора Брянскаго уѣзда въ опроверженіе моего заключенія. Читатель также знаетъ (стр. 92—93 моего «Отчета»), что *до моего* труда по говорамъ Орловской губерніи не было извѣстно въ печати *ни одного изслѣдованія или подробнаго описанія ни говоровъ Орловскаго уѣзда, ни говоровъ Мценскаго уѣзда, ни говоровъ Карачевскаго уѣзда, ни говоровъ Брянскаго уѣзда*. Извѣстенъ былъ только въ печати говоръ Болховскаго уѣзда (трудъ *Сахарова*).

Такимъ образомъ, мои матеріалы, представляющіе изъ себя не мимолетныя замѣтки, а болѣе или менѣе обстоятельное изображеніе говора, появились *впервые*. Равнымъ образомъ, читателямъ моимъ извѣстенъ и мой методъ [1]) собиранія матеріаловъ

---

1) Рефератъ на тему: «Объ источникахъ изученія народныхъ говоровъ и о діалектологическихъ картахъ», предназначавшійся для Екатеринославскаго археологическаго съѣзда XIII-го въ августѣ этого года, печатается въ Р. Ф. В.

по народнымъ говорамъ: съ 1891-го года, со времени занятій по приготовленію моей магистерской диссертаціи, я практикую *единственный* способъ записыванія говоровъ, не уклоняюсь отъ него потому, что считаю его наиболѣе правильнымъ и на опытѣ знаю его положительные результаты. Именно, я выбираю въ качествѣ экспертовъ по говору: 1) исключительно *женское* населеніе (молодыхъ или пожилыхъ дѣвицъ и женщинъ) и 2) женщинъ *неграмотныхъ* и *не уходившихъ никуда изъ своей деревни*, *уроженокъ непремѣнно* данной деревни, говоръ которой я хочу знать. Этотъ способъ или методъ (вѣрнѣе: «пріемъ») вызывалъ уже не разъ обсужденіе и въ печати (Каринскій, Чернышевъ, Дурново) и въ бесѣдахъ (Шахматовъ, Фортунатовъ, Каринскій и др.) и приводилъ къ выводу, что онъ (этотъ пріемъ), не устраняя и другихъ пріемовъ, во всякомъ случаѣ имѣетъ многія преимущества. Я—сторонникъ этого пріема и лишь въ крайнихъ случаяхъ, — и то непремѣнно съ оговоркой, — буду уклоняться отъ него. Поэтому я, напримѣръ, не записываю *со словъ другихъ* (интеллигентныхъ или грамотныхъ или чужихъ людей) ни пѣсенъ, ни образцовъ говора; поэтому я не пользуюсь и говоромъ *прислуги*, если она ушла уже давно изъ своего родного мѣста, не пользуюсь и лицами, отправляющимися въ *отхожій* промыселъ. Стало быть *всѣ записи* говора жителей Брянскаго уѣзда представляютъ собой у меня подлинный говоръ *уроженокъ* и *жительницъ* этого уѣзда, говоръ *неграмотныхъ* женщинъ, *не уходившихъ* никуда на сторону. Значитъ, если въ говорѣ *этихъ лицъ нѣтъ дзеканья*, нѣтъ *твердаго р*, нѣтъ *л* = *ў*, нѣтъ *бѣлорусскаго сильнаго аканья*, то эти черты могли быть въ Брянскомъ уѣздѣ лишь у лицъ, пріѣхавшихъ сюда или пришедшихъ сюда *изъ другихъ мѣстъ*. Не видѣлъ я среди этихъ лицъ и *типа бѣлоруссовъ*, а потому имѣю полное основаніе утверждать и утверждаю, что уроженцы Брянскаго уѣзда *южно-великоруссы*, и говоръ этого уѣзда—*южно-великорусскій* и въ Полпинской, и въ Акулицкой, и въ Вороновской, и въ Салынской волостяхъ и въ городѣ Брянскѣ у мѣщанокъ (см. стр. 108 «Отчета»). Теперь посмотримъ,

какъ относится къ говору Брянскаго уѣзда проф. Е. Ѳ. Карскій, и какъ онъ «доказываетъ» бѣлорусское происхожденіе жителей Брянскаго уѣзда, и что проф. Карскій даетъ читателю въ подтвержденіе своего мнѣнія. Въ 1902 году, когда мы занимались изслѣдованіемъ говоровъ Брянскаго уѣзда, намъ былъ извѣстенъ лишь одинъ трудъ профессора Карскаго по занимающему насъ вопросу, именно, трудъ: «Къ вопросу объ этнографической картѣ бѣлорусскаго племени». (Отд. оттискъ изъ №№ 8 и 9 «Могилев. Губерн. Вѣдомостей» за 1902-й годъ). См. нашъ «Отчетъ» стр. 92 и слѣд. Въ этомъ своемъ трудѣ проф. Карскій совершенно справедливо выставляетъ слѣдующее *общее* положеніе: «Основой для опредѣленія границъ Бѣлорусской области у насъ *исключительно служитъ языкъ* (курсивъ мой); вслѣдствіе этого, напр.,... тѣ обитатели... Орловскаго Полѣсья, которые говорятъ по южно-великорусски, отнесены къ южно-великоруссамъ, хотя предки ихъ, несомнѣнно, были бѣлоруссы». (Нашъ «Отчетъ» стр. 92). Такимъ образомъ, въ 1902 году Карскій признавалъ, что обитатели Орловскаго Полѣсья, хотя и происходятъ *несомнѣнно* (курсивъ мой) отъ бѣлоруссовъ, но говорятъ по южно-великорусски. На основаніи предыдущаго общаго положенія о значеніи языка для опредѣленія границъ мы вправѣ сдѣлать заключеніе о принадлежности говора Брянскаго уѣзда (Орловскаго Полѣсья) къ *южно-великорусскимъ* говорамъ. Однако я не могъ довѣриться этому указанію Карскаго, такъ какъ въ его цитируемомъ трудѣ нѣтъ лингвистическихъ матеріаловъ, записанныхъ имъ самимъ въ Брянскомъ уѣздѣ, и онъ лишь *со словъ другихъ*, да и то не лингвистовъ, а этнографовъ «добраго стараго времени», говоритъ здѣсь слѣдующее: «границу бѣлоруссовъ съ великорусскимъ нарѣчіемъ въ Орловской губерніи можно провести приблизительно въ Трубчевскомъ уѣздѣ по правому берегу Десны, *въ Брянскомъ уѣздѣ по Деснѣ и ея притоку Болвѣ*». (См. нашъ «Отчетъ», стр. 97). Такъ говорилъ Карскій въ 1902 году со словъ другихъ наблюдателей. Мои діалектологическіе интересы и планы, а равно и весь ходъ моихъ діалектологиче-

скихъ работъ, начиная съ 1891-го года, опубликованы мною въ Предисловіи къ моему «Отчету» на стр. 1—6. Я заинтересованъ главнымъ образомъ вопросомъ о заселеніи колоній древними *вятичами* и очень хотѣлъ бы уяснить себѣ вопросъ, какой изъ русскихъ говоровъ нашего времени съ наибольшимъ правомъ можетъ быть возведенъ къ племени вятичей и является наиболѣе связаннымъ съ этимъ племенемъ; а равно — вопросъ: что даетъ діалектологія современныхъ намъ говоровъ въ мѣстахъ, заселенныхъ по преданію древними вятичами, для разрѣшенія или хоть уясненія вопроса о путяхъ древне-русской колонизаціи; можно-ли въ языкѣ современныхъ жителей названныхъ мѣстъ *доказать* лингвистическихъ потомковъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ *различныхъ по племени предковъ*, и *какіе предки* съ наибольшей вѣроятностью могутъ быть указаны въ качествѣ *участниковъ* заселенія вятичскаго края... Вотъ вопросы, занимающіе меня съ 1891-го года, и потому для меня *далеко не безразлично было*, поѣхать ли въ Орловскую губернію, или поѣхать въ Курскую, въ Харьковскую, въ Херсонскую и проч. Очень естественно, что мои научные интересы должны были столкнуться и сойтись съ научными интересами изслѣдователей бѣлорусскаго нарѣчія, опредѣляющихъ границы послѣдняго. (См. мой «Отчетъ». Предисловіе). Всѣ эти планы своихъ работъ я въ свое время излагалъ II-му Отдѣленію Академіи Наукъ и на этотъ разъ, какъ и вообще, встрѣтилъ со стороны II-го Отдѣленія полное сочувствіе, выразившееся даже въ матеріальной поддержкѣ, за что, конечно, я глубоко благодаренъ и очень обязанъ II-му Отдѣленію. Цѣлое лѣто 1902 года я посвятилъ изученію пяти уѣздовъ. Не знаю, когда именно ѣздилъ[1]) въ

---

1) Изъ труда Тиханова: «Брянскій говоръ» (Сборникъ II Отд. Ак. Наукъ Т. 76. Стр. 155 и примѣчаніе) мы узнаемъ, что въ газетѣ «Новости» 1903 года, въ № 212, появилось сообщеніе изъ Вильны, что «профессоръ варшавскаго университета Е. Ѳ. Карскій посѣтилъ шесть губерній для опредѣленія границъ распространенія бѣлорусскаго, малорусскаго и польскаго языковъ. Онъ записываетъ различные древніе и новые говоры и проводитъ цѣлые дни на база-

Орловскую губернію, въ частности въ Брянскій уѣздъ, проф. Карскій, но въ своемъ трудѣ: «Бѣлоруссы» (Т. I. Варшава 1903 г., стр. 14—15), съ которымъ я познакомился уже *послѣ напечатанія* своего труда («Отчета»), проф. Карскій уже измѣнилъ свое мнѣніе о границѣ бѣлоруссовъ, мнѣніе, высказанное имъ въ 1902 году со словъ другихъ лицъ, и пишетъ: «границу бѣлорусскихъ говоровъ съ велико-русскимъ нарѣчіемъ въ Орловской губерніи можно провести приблизительно *въ Трубчевскомъ и Брянскомъ уѣздахъ по правому берегу р. Десны*». Слѣдовательно, граница уже сужена, отодвинута значительно на западъ сравнительно съ границей 1902-го года: тогда бѣлоруссы у Карскаго простирались до береговъ р. Болвы, т. е. до Калуж-

---

рахъ и въ другихъ людныхъ мѣстахъ». Къ этому Тихановъ справедливо дѣлаетъ такое примѣчаніе: «Не совсѣмъ понятно, что надо разумѣть въ этой корреспонденціи («Новости» 1903. № 212) подъ именемъ записи «различныхъ *древнихъ* говоровъ»: изученіе ихъ по памятникамъ письменнымъ»? (Тихановъ, 155 прим. 1). Мы отъ себя прибавимъ еще, что намъ непонятно также въ этой корреспонденціи газеты, *когда* проф. Карскій посѣтилъ *шесть* губерній для опредѣленія границъ? Неужели все въ 1903-мъ году? Если это такъ, то не отъ такой ли быстроты передвиженія Карскаго происходятъ такія *условныя* опредѣленія границъ бѣлорусскаго нарѣчія и такія *голословныя* утвержденія о говорѣ жителей Брянскаго уѣзда. Замѣчательно, что и въ этомъ трудѣ, въ «Бѣлоруссахъ», проф. Карскій не даетъ *ни одной записи* говора Акулицкой волости, какъ не даетъ и вообще *собственныхъ* записей говора Брянскаго уѣзда. Однако, въ 1903-мъ году Карскій уже несомнѣнно былъ лично въ Орловской губерніи, именно, въ Акулицкой волости Брянскаго уѣзда, какъ объ этомъ мы узнаемъ изъ его примѣчанія въ книгѣ «Бѣлоруссы», изданной 19-го ноября 1903 года, на стр. 15, гдѣ читаемъ: «Приведенныя выше свѣдѣнія относительно бѣлоруссовъ Орловской губ. собраны мною лично въ послѣднюю поѣздку». Если къ 1903-му году проф. Карскій уже посѣтилъ *шесть губерній*, то почему газета «Новости» сообщаетъ объ этомъ такъ поздно? Не знаю, какой смыслъ этой газетной корреспонденціи въ № 212 (въ августѣ?) 1903-го года, если, какъ надо думать, проф. Карскій изучалъ каждое лѣто по одной или по двѣ губерніи, не торопясь. Къ слову сказать, въ трудѣ Тиханова, уроженца города Брянска (см. стр. III его труда ibid.), на пространствѣ цѣлой книги въ IV + 263 страницы, *нигдѣ* не сказано о *бѣлорусскомъ* говорѣ Брянскаго уѣзда, а Тихановъ приводитъ матеріалы и изъ *Акулицкой* волости. Книга Тиханова вышла уже *послѣ моей книги*. Замѣтимъ, что дѣлать *мимолетныя* наблюденія ошибочно, и я не сторонникъ такихъ наблюденій, какъ у Карскаго въ данномъ вопросѣ.

ской губерніи, приблизительно верстъ на 40 въ восточномъ направленіи отъ праваго берега р. Десны по Брянскому уѣзду. Это говорилось со словъ другихъ. Зато въ «Бѣлоруссахъ» при уступкѣ относительно границы (стр. 15) мы находимъ на сей разъ рѣшительное утвержденіе такого рода: «Въ Брянскомъ уѣздѣ *чистые бѣлоруссы въ Акулицкой волости*». Стр. 15.

Къ книгѣ «Бѣлоруссы» проф. Карскимъ приложена *карта*, и на ней *рѣшительно* толстой полосой краснаго цвѣта проведена граница бѣлорусскихъ говоровъ около г. Брянска, причемъ и *Акуличи* и *Людинка* отнесены къ бѣлоруссамъ, между тѣмъ какъ по моимъ наблюденіямъ жители и Акуличей и Людинки (гдѣ я былъ *проѣздомъ* впрочемъ) говорятъ *по южно-великорусски*. Въ Людинкѣ хотя я былъ и проѣздомъ, но не слыхалъ бѣлорусскаго говора. Но на Людинкѣ я и не настаиваю поэтому. Другое дѣло — Акулицкая волость, которую *всю* Карскій относитъ къ бѣлоруссамъ *по языку*. Это, конечно, невѣрно!

Академикъ А. И. Соболевскій, уже послѣ того, какъ прочелъ книгу Карскаго «Бѣлоруссы» и напечаталъ о ней отзывъ (Изв. Ак. Наукъ 1904 г. Т. IX, кн. 2), помѣстилъ въ *Извѣстіяхъ Академіи Наукъ* (1905 г. Т. X, кн. 1) свою статью: «Древнекіевскій говоръ», въ которой на стр. 321 въ примѣчаніи 3 — говоритъ: «Это *ф* изъ *х изъ южно-великорусскихъ говоровъ развито въ брянскомъ, одномъ изъ потомковъ древне-сѣверскаго говора*». Безъ всякой ссылки на стремленія проф. Карскаго внушитъ намъ мысль о *бѣлорусскомъ* происхожденіи жителей Брянскаго уѣзда, о *бѣлорусскомъ* нарѣчіи въ Акулицкой волости, о *бѣлоруссахъ* (чистыхъ!) и ихъ *типѣ* въ Брянскомъ уѣздѣ! И все это говорится уже послѣ разбора книги «Бѣлоруссы» А. И. Соболевскимъ, который, хотя и рѣзко, но совершенно справедливо говоритъ объ этомъ. Въ статьѣ по поводу «Бѣлоруссовъ» Карскаго мы у него читаемъ: «лишь небольшое пространство *нынѣшней великорусской территоріи* принадлежитъ великоруссамъ непрерывно съ XI — XII вѣковъ. Это — какъ разъ тѣ мѣста, гдѣ они сосѣдятъ съ бѣлоруссами: Новгородская и Псков-

ская области на сѣверѣ, области Тверская, Смоленская и Московская на сѣверо-востокѣ, *сѣверское Полѣсье въ нынѣшней Калужской и Орловской губерніяхъ*». (Изв. II Отд. Ак. Наукъ. Т. IX. Кн. 2, стр. 18; 1904 года).

Посмотримъ теперь, какъ защищается проф. Карскій въ своемъ отвѣтѣ академику Соболевскому (Р. Ф. В. 1905 г. № 1. «Къ вопросу о границѣ бѣлорусскихъ говоровъ». Стр. 55—57). На вопросъ: «Почему говоры юго-востока Смоленской губерніи признаются за бѣлорусскіе, а говоры юга Псковской губерніи относятся къ великорусскимъ»?... Карскій отвѣчаетъ: «Понятно послѣ всего сказаннаго и колебаніе академика *А. А. Шахматова* («Извѣстія», II, 1159) отнести уѣзды Смоленскій, Рославльскій и Ельнинскій къ бѣлорусскимъ. *Однако не слѣдуетъ забывать, что самый юго-востокъ Рославльскаго уѣзда примыкаетъ къ Акулицкой волости Брянскаго уѣзда Орловской губерніи, гдѣ несомнѣнно бѣлоруссы*». (Стр. 56. Курсивъ мой). Далѣе (стр. 57). «Нѣтъ сомнѣнія, что черезъ нѣкоторое время граница бѣлорусской рѣчи въ указанныхъ мѣстахъ передвинется нѣсколько къ западу». Здѣсь мы напомнимъ отъ себя, что эта граница уже на нашихъ глазахъ передвинулась съ 1902 года къ 1903-му въ трудахъ проф. Карскаго (см. выше): отъ р. Болвы къ рѣкѣ Деснѣ, верстъ на 40 къ западу. Далѣе проф. Карскій пишетъ (стр. 57): «Говоры юга Псковской губерніи и типъ населенія *при бѣломъ личномъ знакомствѣ произвели на меня впечатлѣніе великорусскихъ говоровъ* [1]). *Дзеканье* въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, дѣйствительно, *наблюдается; но изъ за него только считать рѣчь бѣлорусской я не рѣшаюсь*». (Курсивъ вездѣ мой). Такимъ образомъ, здѣсь въ отвѣтѣ на рецензію академика А. И. Соболевскаго Карскій признается, что онъ свои впечатлѣнія отъ бѣглаго личнаго знакомства съ народными говорами заносилъ

1) Припомнимъ при этомъ объявленіе изъ газетъ въ 1903 году о томъ, что проф. Карскій посѣтилъ шесть губерній. Значитъ, это было «*бѣглое личное знакомство*» и бѣглое впечатлѣніе?

въ рѣшительной формѣ въ свой трудъ «Бѣлоруссы» и даже на этнографическую карту, приложенную къ труду. Далѣе, замѣтимъ, что дзеканье, какъ особенность говора, не можетъ побудить проф. Карскаго причислить данный говоръ (Псков. губ.) къ бѣлорусскимъ, и въ этомъ онъ тоже признается А. И. Соболевскому. До сихъ поръ дѣло шло о возраженіяхъ профессора Карскаго въ защиту своего мнѣнія противъ *историческихъ фактовъ и справокъ*, приводимыхъ академикомъ Соболевскимъ и касающихся исконной великорусской территоріи на мѣстахъ древней сѣверской области въ нынѣшней Орловской губерніи. Изъ предыдущаго ясно, что профессоръ Карскій ничего не привелъ въ доказательство *бѣлорусскаго* происхожденія и *бѣлорусскаго* говора жителей Брянскаго уѣзда, въ частности,— Акулицкой волости. Въ цитованномъ выше мѣстѣ изъ статьи проф. Карскаго (Р. Ф. В. 1905. № 1. Стр. 56) находится ссылка на примѣчаніе относительно бѣлоруссовъ Акулицкой волости. Въ этомъ примѣчаніи проф. Карскій говоритъ: «Ср. мою ст. «Къ вопросу о народномъ говорѣ Брянскаго уѣзда, Орловской губерніи». Нѣтъ ни года, ни мѣста изданія! Нынѣ я получилъ вмѣстѣ съ № 2. Р. Ф. Вѣстника 1905-го года и эту брошюру безъ обозначенія года, мѣста и изданія, изъ котораго извлеченъ отдѣльный оттискъ (?) подъ названіемъ: «Къ вопросу о народномъ говорѣ Брянскаго уѣзда, Орловской губерніи». Вотъ эта-то брошюра проф. Карскаго и заставила меня писать настоящую пространную статью вмѣсто коротенькаго реферата, приготовленнаго было для доклада на Владимирскомъ съѣздѣ. И, дѣйствительно, прочитавши эту брошюру проф. Карскаго, я въ ней увидѣлъ попытку опровергнуть мое мнѣніе, высказанное въ моемъ «Отчетѣ» и выведенное изъ голыхъ фактовъ рѣчи народа въ Брянскомъ уѣздѣ, *мнѣніе о томъ, что въ Акулицкой, Полпинской, Вороновской и Салынской волостяхъ Брянскаго уѣзда, по даннымъ языка, сидятъ нынѣ южно-великороссы*, потомки древнихъ сѣверянъ, смѣшавшихся съ потомками древнихъ вятичей. Въ этой брошюрѣ профессоромъ Карскимъ приведены еще

совершенно не кстати мѣста изъ почтеннаго труда Тиханова, какъ увидимъ ниже. Въ самомъ дѣлѣ, брошюру свою Карскій начинаетъ тѣмъ, что заявляетъ, что онъ *со словъ* С. Максимова, де-Ливрона и Кеппена (старыхъ этнографовъ, но не лингвистовъ) опредѣлялъ границу бѣлорусской области, причемъ, побывавъ *лѣтомъ 1903 года* въ означенной мѣстности (въ какой?), онъ нашелъ, что «въ Брянскомъ уѣздѣ бѣлоруссы оказались въ Акулицкой и Лутенской волостяхъ, т. е. въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они были отмѣчены еще въ 1848 году *Кеппеномъ*». («Къ вопросу», стр. 1). Невольно поражаешься здѣсь тѣмъ, что граница бѣлорусской области въ этихъ мѣстахъ не передвигалась съ 1848 года донынѣ, между тѣмъ какъ въ сосѣднихъ мѣстахъ Брянскаго же уѣзда выше мы видѣли передвижку бѣлорусской границы въ трудахъ проф. Карскаго на протяженіи времени всего лишь *въ одинъ годъ*. Далѣе, приводя факты языка какой-то мѣстности, проф. Карскій говоритъ: «Жители старой Акулицкой волости... говорятъ по-бѣлорусски» (стр. 2), причемъ Карскій не отмѣчаетъ *ни одного села* или *деревни*, *откуда* онъ взялъ *дзеканье* и *пѣсни* охотника—мужчины (Пав. Стеф. Шестакова), но на стр. 3 говоритъ: «Домашнія постройки въ Акуличахъ бѣлорусскаго типа; но одежда крестьянъ переходная, въ основѣ однако бѣлорусская; у женщинъ запаски. Уже изъ сказаннаго не трудно видѣть, что въ с. Акуличахъ живутъ *бѣлоруссы, подвергшіеся въ настоящее время сильному великорусскому вліянію*». (То-же на стр. 2). Далѣе, проф. Карскій ссылается на свидѣтельства о рѣчи священника въ Акуличахъ (стр. 3), а моего эксперта (простую крестьянку «au naturel») называетъ *прислугой*, или жившей долго у великоруссовъ, или подлаживавшейся «подъ рѣчь разговаривавшаго съ нею барина» (стр. 4). Конечно, еслибы проф. Карскій *лично* видѣлъ бы тѣхъ крестьянъ, съ которыми въ 1902 году *говорилъ я* здѣсь, то у него исчезла бы всякая возможность даже подозрѣнія въ томъ, что тѣ экземпляры, которыхъ я привлекаю вездѣ и всюду для экспертизы въ области народнаго говора, а въ особенности тѣ, которые были въ этомъ

медвѣжьемъ углу, въ Акулицкой волости, способны такъ скоро подлаживаться подъ рѣчь своего собесѣдника. Да, наконецъ, подлаживаться и вообще не такъ-то легко, тѣмъ болѣе, что опытные діалектологи ѣздятъ по деревнямъ не для того, чтобы *говорить* рѣчи крестьянамъ, а для того, чтобы *слушать* и *записывать* ихъ рѣчь. Не знаю, какъ собираетъ образцы народнаго говора профессоръ Карскій, да это и трудно узнать, потому что записей народной рѣчи, сдѣланныхъ *самимъ* Карскимъ мы въ печати знаемъ очень мало, но нами обнародовано очень много собственныхъ нашихъ записей со словъ крестьянъ, и всѣ эти записи приложены къ нашимъ печатнымъ трудамъ по южновеликорусскимъ говорамъ Рязанской, Тульской, Калужской, Орловской губерній; всѣ наши записи въ свое время провѣрялись на мѣстѣ и другими лингвистами и мѣстными жителями, и до сихъ поръ критика не указала намъ крупныхъ извращеній въ описанныхъ и изученныхъ нами народныхъ говорахъ. Но, конечно, мы не обращались къ экспертизѣ или къ опросу насчетъ звуковыхъ особенностей говора ни къ священникамъ, ни къ прочимъ интеллигентнымъ лицамъ («Къ вопросу»... Карскаго. Стр. 3), а, не смотря на неудобства пути и трудность дѣла, предпочитали всегда имѣть *непосредственное* сношеніе съ крестьянами и довѣряли больше всего *своему собственному слуху*. Вотъ почему мы повторяемъ, что не слыхали ни въ Акулицкой, ни въ Вороновской, ни въ Салынской, ни въ Полпинской волостяхъ Брянскаго уѣзда *никакого дзеканья*. Правда, что далеко не всѣ свои записи мы печатали въ нашихъ трудахъ, равно какъ и въ послѣднемъ «Отчетѣ», такъ какъ фонетическая транскрипція настолько затруднительна для типографскаго набора въ томъ случаѣ, если приходится, живя *въ Казани*, печатать *въ Петербургѣ*, что мы предпочитали ограничиваться лишь частью собраннаго матеріала, но *выводы наши всегда были строго согласованы и съ приводимымъ и съ собраннымъ матеріаломъ*.

Поэтому пускаться въ догадки, на основаніи ли одной записи сдѣлалъ я выводъ (ib. 4), или на основаніи нѣсколькихъ, а равно

задаваться вопросомъ, былъ ли я знакомъ при писаніи своего «Отчета» съ трудомъ Карскаго «Бѣлоруссы», или нѣтъ (стр. 4), затѣмъ утверждать категорически, что моя работа вышла *подъ вліяніемъ* прежде сдѣланныхъ (стр. 1), это—по меньшей мѣрѣ,—пріемъ не научной критики и слишкомъ *смѣлый* шагъ. Проф. Карскій этимъ шагомъ заставляетъ меня заявить, что 1) на основаніи всѣхъ моихъ записей и всего слышаннаго изъ устъ крестьянъ Брянскаго уѣзда я утверждаю, что *дзеканья въ посѣщенныхъ мною мѣстахъ нѣтъ*. 2) Я не читалъ и не видалъ труда проф. Карскаго «Бѣлоруссы» до тѣхъ поръ, пока самъ Карскій не прислалъ мнѣ въ Казань этого труда съ своей надписью, а это было уже по полученіи мною отдѣльныхъ оттисковъ моего «Отчета» изъ типографіи Академіи Наукъ. 3) Въ предисловіи къ моему «Отчету» проф. Карскій могъ прочесть о томъ, что̀ заставило меня заняться говорами Орловской губерніи, и послѣ этого говорить о какомъ-то *постороннемъ* вліяніи, кромѣ вліянія моей руководящей научной идеи на ходъ моихъ научныхъ работъ, по этикѣ ученыхъ людей,—непозволительно.

Въ сознаніи своихъ недочетовъ нѣтъ грѣха, и я признаюсь, что, не будучи этнографомъ, я *никогда не читалъ* тѣхъ трудовъ Максимова, де-Ливрона и Кеппена, на которые ссылается проф. Карскій (ib. 1). Что касается трудовъ А. И. Соболевскаго, то *подъ вліяніемъ* его «Опыта русской діалектологіи» можно было бы поѣхать не только въ Орловскую губернію, но почти въ какую угодно, такъ какъ этотъ «Опытъ» Соболевскаго, представляя изъ себя добросовѣстную сводку всего извѣстнаго въ литературѣ по великорусскимъ и бѣлорусскимъ говорамъ, обнаруживаетъ собой наглядно довольно *бѣдную* картину разработки русскихъ говоровъ и вызываетъ у всякаго справедливое сожалѣніе о томъ, что наши говоры до сихъ поръ еще такъ мало описаны и изучены.

Что касается выводовъ проф. Карскаго, которые онъ дѣлаетъ (стр. 6—7) послѣ приведенія нѣсколькихъ словъ изъ работы Тиханова («Брянскій говоръ»), указывающихъ *на бѣлорусское*

вліяніе, то этого вліянія я вовсе не отрицаю и въ своемъ «Отчетѣ»: мы расходимся въ томъ, что разно смотримъ на *основу* говора Брянскаго уѣзда. Профессоръ Карскій считаетъ основу *бѣлорусскою*, а я—*великорусскою*, и въ этомъ, конечно, я правъ, такъ какъ это вытекаетъ, во-первыхъ, и изъ историческихъ соображеній, приведенныхъ академикомъ Соболевскимъ (см. выше), во-вторыхъ, и изъ лингвистическихъ записей, приведенныхъ мною, въ-третьихъ, и изъ данныхъ стараго языка XVIII-го вѣка, приводимыхъ въ изобиліи въ трудѣ Тиханова: нынѣшнее брянское «*двару́*» = домой въ старомъ языкѣ брянцевъ не было распространено, а употреблялось въ 1796 и 1799 годахъ слово «*домовъ*». (Тихановъ. Стр. 45, 24). Что формы *крыю*, *мыю* и под. не могутъ быть старорусскими наслѣдіями (ib. 6 у Карскаго), этого Карскій не можетъ доказать тѣмъ способомъ, которымъ онъ пытается: вѣдь, сохранились же въ великорусскихъ говорахъ формы дв. числа *двѣсти* при *два ста*, *доно́* при *дно*, *пѣсть* при *пѣсть*, *вѣсть*, *есть*, *вкратцѣ*, *во лузяхъ* и т. п. Вообще, натяжки проф. Карскаго, къ которымъ онъ прибѣгаетъ для доказательства территоріальнаго распространенія бѣлоруссовъ, еще болѣе стали очевидны послѣ его защиты въ отвѣтъ А. И. Соболевскому и послѣ защиты своего мнѣнія о *брянскихъ бѣлоруссахъ* противъ меня. Наконецъ, если Карскому удалось гдѣ-либо въ Акуличахъ слышать *дзеканье*, то почему онъ на основаніи этого же самаго *дзеканья* не рѣшился считать бѣлорусскимъ говоръ юга Псковской губерніи (см. выше) послѣ бѣглаго личнаго знакомства съ нимъ, а для говора Брянскаго уѣзда оказалось достаточнымъ этого же *дзеканья* и при бѣгломъ личномъ знакомствѣ въ 1903 году? Вѣдь, кромѣ *дзеканья*, всѣ остальныя особенности, указанныя проф. Карскимъ въ его брошюрѣ на стр. 6 («Къ вопросу». . .), извѣстны намъ и въ южновеликорусскихъ говорахъ.

Е. Будде.

Казань. 1905 г.
17 августа.

423